

«ДЛЯ ПОКОЛЕНИЙ БУДЕТ СОХРАНЕН...»

Н А УЛИЦЕ снежок. Кругом — белым-бело.

Мы с поэтом Максимом Ястраним шагаем в сторону Чувашского сельскохозяйственного института. Навстречу идет высокий, широкоплечий мужчина с поседевшей бородой. Его ведет женщина.

Ястран дотронулся до меня локтем и сказал:

— Это Николай Иванович Шелеби. А рядом с ним — Анна Григорьевна, его жена. — И громко добавил: — Здравствуйте, Николай Иванович и тетя Анюта!

Шелеби остановился.

— Это, слышу, голос Ястрана? А товарищ твой кто?

Мы подали ему руки, я назвал себя. Стою и глазам своим не верю: мне пожимает руку любимый с детства поэт! То ли от радости, то ли от волнения я совсем растерялся, не могу вымолвить ни слова. Ястрану приходится говорить и за себя, и за меня.

Николай Иванович, оказывается, спешит в Дом печати, в редакцию газеты «Пионер сасси».

— Приходите сегодня вечером ко мне. Почитаю новые стихи, — сказал Николай Иванович, подав на прощанье руку.

Вечером мы, конечно же, были у Николая Ивановича. И сам Шелеби и тетя Анюта оказались общительными и гостеприимными.

Николай Иванович читает стихи горячо, вдохновенно, после каждого стихотворения делает паузу и кланяется нам. Я сижу задумавшись. Мне этот незрячий человек — человек большой души — кажется настоящим богатырем: в нем так и кипит неиссякаемое вдохновение.

Времени прошло много. Николай Иванович вдруг стукнул об пол клюшкой, с которой, видимо, не расставался никогда, и сказал:

— Напоследок я вам, молодые друзья, прочитаю стихотворение, которое называется «Прощальный ковш».

Проходит век. Измерен
жизни путь.
Закрывается скоро и моим
глазам.
Друзья мои! Собравшись
в дальний путь,
Прощальный ковш
я завещаю вам...
Умолкну скоро я.
Лишь в книгах он,
Седобородый, смуглый
облик мой,
Для поколений будет

сохранен —
Свидетель бурной схватки
света с тьмой...

Успышанное заставило нас глубоко задуматься. Мы долго сидели молча. Потом разговор снова зажурчал ручейком. Николай Иванович все расспрашивал о буднях областной газетной школы, где тогда я учился.

— А читаете ли вы там стихи чувашских поэтов? Что в них нравится, что нет, почему?

Я отвечал, что с детства люблю творчество Константина Иванова, Сеспеля Мишши, Педера Хузангая, Васyleя Митты, Якова Ухсая, Нестера Янгаса, Ильи Тукташа...

— А что ты скажешь о моих стихах? — спрашивает Шелеби.

— Ваши стихи учат любить Родину, трудовой народ, зовут советскую молодежь на подвиг. Они очень близки к чувашским народным песням.

— А не прочтешь какое-нибудь? — попросил поэт.

Я прочитал его стихотворение «Ленин».

Николай Иванович поднялся во весь свой богатырский рост и по-отечески похлопал меня по плечу.

В этот незабываемый вечер он подарил мне свою фотокарточку.

Николай Иванович Шелеби всегда поддерживал молодых авторов, каким-то чутьем он угадывал в них настоящую тягу к родному языку и родной литературе. В его квартире часто можно было видеть молодых литераторов, слышать, как они читали свои произведения.

Помню последнюю встречу с Шелеби. Долго сидел я рядом с ним, беседуя о делах литературных, о своей работе...

— У меня вот, чую, на исходе силы. У жизни — свой закон. Кто знает, может, и расстаться придется скоро. Навсегда... Честно живи, трудись, все силы отдай служению людям, своему родному народу. И Родина не забудет тебя, — сказал Николай Иванович.

Потом замолчал.

— Наверное, уснул, — сказала тетя Анюта.

Я стоял, склонив голову перед народным поэтом. И вспомнилось мне, как Николай Иванович Шелеби читал нам с Максимом Ястраним свой «Прощальный ковш».

Василий ДАВЫДОВ-АНАТРИ.